

Глухой звук ударов далеко разносился в упругом холодном воздухе. Едва уловимый запах свежей древесины чуть пьянил. Светло-желтые щепы, словно буквы, осыпались на коричневую поверхность слежалой осенней листвы, не складываясь, однако, в слова и мысли. Сашка второй день рубил этот высокий ясень.

Ветер не спеша шелестел последними листками уходящего года, а скупое осеннее солнце еще изредка выглядывало из-под монолитного небосвода, но, поевшись, всякий раз пряталось обратно... Сашка тоже никуда не спешил. Батя задумал расчистить под посадку пространство за огородом еще в прошлом году, но как-то все было некогда. Наконец, пару недель назад, когда чуть подсохла от холода размокшая осенняя почва, нехотя взял топор и, позвав своего десятилетнего сына, принялся зачищать. Он показал, как подрубать корни молодняка, чтоб они вытаскивались целиком, как грамотно оприходовать густой шиповник, не царапаясь, и что делать с высокой травой, мешавшей работе.

«Дальше сам. Без нужды не рви. Найдешь свой ритм — и работа поплывет будто, сам не заметишь, как все сделаешь», — подытожил он.

Лесопосадка, простиравшаяся сразу за огородом, представляла из себя густую поросль самых разных пород — ивы, вербы, ясеня, ольхи, шиповника, крапивы и даже одичалой малины. Весь ее вид говорил о том, что она является смешением чего-то различного, являясь пограничным участком между лесом, сельскими огородами и защитными насаждениями железной дороги, проходящей невдалеке. Хаотичный участок ничейной земли, нечто переходное и вынужденное между системным и стихийным, между культурным и диким — как и само время, в котором он произрос. Шел нелегкий 1992-й.

Уже не первый год страна с началом холодов чувствовала и ледяное дыхание рыночных отношений. Народ привычно ходил на работу, но более из желания сохранить систему, чем ради заработка, зарплату же каждый месяц подъедала гиперинфляция. Многие из тех, кто не нашел в этом смысла, беспробудно пили. Деревня загубела, потекла крышами и стала пустеть. Редкий стук калитки да веселые шлепки по лужам все чаще создавали ошалевший от безлюдья ветер и грустный молчаливый дождь... Некому было петь и не с кем играть... Молча покуривая по утрам с кружкой темного чая и ежась по вечерам у экранов телевизоров, брошенная Русь очередной раз подумывала о том, чтоб потянуться к топору. Однако в этот раз ее генетический порыв был разрешен в бескровном смысле. Недавние ожидания лучшей жизни еще тлели в душах угольком надежды, а упрямство продолжало шептать о правильности сделанного исторического выбора. Извечная вера Руси в справедливость осаживала горячие головы и принуждала ждать. Те, кто ждать уже не мог, приспособлялись. Кто-то рубил медные кабели и сдавал пережженный цветмет перекупщикам, кто-то валил лес, отправляя кругляк за бугор, а кто-то, как и Сашкины родители, просто расширял огороды, чтоб хотя бы не голодать зимой. А там как-нибудь... «Ну, вот тебе и взрослая работа, помощник. К весне успеешь», — сказал братя, бросив плашмя к Сашкиным ногам топор.

Приняв поручение со всей ответственностью, Сашка после школы приходил и потихоньку расширял этот первый просвет среди сплошных зарослей. Шла вторая неделя работы. На поляне уже высились аккуратные кучи порубленного кустарника и молодняка — летом они будут сожжены. В начале участка появился штабель длинных жердей, годных на ограду и столбы. Кое-где бессистемно лежали обрубки толстых стволов, которые Сашка не смог откатить в одиночку. Посреди этого пространства как александрийский столп, еще не осознав наступившего одиночества, простирал ветви к небу высокий ясень.

«Красивый», — мелькнуло в голове.

Вокруг стояла тишь, не нарушаемая ни шорохом мертвой листвы, ни звуками еще живой деревни. Белесое небо разгладилось, одарив неуверенной тенью. Можно было даже сказать, что сама природа и весь окружающий мир вдруг замерли, решив посмотреть на нечто необычное среди повседневной скуки. Но Сашка не думал об этом. В предыдущие дни он уже подступал к этому ясеню, но, пару раз ударив, ощущал, что нахрапом его не взять. «Серьезный соперник», — понимал он и возвращался к расчистке поляны. Сегодня, наконец, придя пораньше, сняв свитер и утопав землю вокруг дерева, он приступил. Первые удары шли легко, но, лишь только углубившись в толщу, работа замедлилась. Сколы стали коротки и широки, а звук ударов — звонким и размеренным. Удар, еще удар. Удар. Еще удар. «Надо же! Будто не берет его ничто... По крошке снимается... А другого пути нет. Надо терпеть», — подумалось Сашке. В моно-

нонным ритме поток этот поединок взрослого дерева и маленького человеческого существа. Тусклое осеннее солнце, не желая смотреть на происходящее, безмолвно поспешило закончить день. Еще некоторое время в темноте раздавались удары, но скоро стихли.

Дома, садясь ужинать, Сашка посмотрел на свои натруженные руки и, чуть потерев, положил на стол. Заметив это, мама нежно взяла их в свои и, развернув наружу, с улыбкой провела пальцем по набухшим подушечкам. Они посмотрели друг другу в глаза... Сашкины руки никогда не были избалованы мягкостью и уже имели мозолистые уплотнения, приобретенные частым обыденным сельским трудом, но за последние дни сильно зашероховались и даже огрубели от постоянной работы и холодного воздуха.

«Женщина полюбит тебя за твои руки», — теребя его ладошку, вдруг сказала мама.

Подняв вопросительно брови, Сашка глянул на маму, но, смутившись, не стал ничего спрашивать...

«Потому что эти руки все будут делать, но при этом молчать», — с улыбкой ответила она на его немой вопрос.

Сашка заметил, как, чуть шмыгнув носом, она отвернулась... В глазах мелькнула искра слез.

Следующий день начался как обычно. Школа, обед, полчаса на кроликов и кур, и вот — снова этот ясень. Сашка оглянулся вокруг — другой работы, кажется, пока не требуется... Перекинул в руках топор, провел пальцем по лезвию — вроде подточил уже... Зияющая выемка на стволе была не так уж и велика — за весь предыдущий день углубился лишь сантиметров на десять, и это только с одной стороны! Сильное дерево. И корни мощные. Это сколько ж пень корчевать придется, если только рубки неделя? Ну, что делать? Ладно. Поехали!

До самой крошечной тьмы ритмичный звук ударов доносился с края огорода... При взгляде издали еще некоторое время было видно, как маленький человеческий силуэт монотонно покачивается возле могучего древесного ствола, не сбавляя темпа, упорный в своем постоянстве, в желании победить, но скоро и эта картина наглухо затушевалась пасмурной осенней мглой. Оказалось, что этот поединок, как и любой другой — прежде всего поединок с самим собой, и подросток быстро понял это, отбросив мысли и смиряясь с неизбежностью. Через некоторое время дыхание выровнялось, время превратилось в течение спокойной реки, а стук ударов слился с биением сердца. В сознании возник размеренный диалог. Почему мама плачет? «Тук, тук». Кем я стану, когда вырасту? Сколько росло здесь это дерево? «Тук, тук». А почему я пришел и рублю? Почему все умирает? «Тук, тук, тук». Неужели все умирает так же, без причины? Распаренное тело Сашки, найдя свой ритм, не прося и не стеля, вело с самим собой беседу, точно и спокойно делая заданную работу. Сашка и не заметил, как вечерний ноябрьский воздух стал колким, забираясь в теплые пазы распахнутой рубахи, а жаркие выдохи проявились вдруг белым дымком...

Тьма скрыла их. Никто не помнит, во сколько Сашка пришел домой и лег спать... Когда утро, наконец, очертило контуры всего сущего, Сашка не встал в школу... Да и вообще не смог встать. Мутное марево перед его глазами кричало и обрушивало вдруг в бездонную тьму. Воспаленное сознание бросало в жар и внезапно обливало ледяным потоком. Сашка болел. Тягуче, болезненно, сильно. Болел.

Но не только он болел этим пасмурным утром... Вся огромная страна, еще менее года назад бывшая единой, билась в агонии и бреду, не в силах подняться. Корежась в тихом стоне, она полыхала огнем на окраинах и замерзала в холоде серого бетона пятиэтажек. Жар пожирал ее изнутри, скованную ледяным страхом и внешним равнодушием. Молодые республики, еще только успев провозгласить суверенитет, уже заряжали обоймы, собираясь выпустить их друг в друга. Страна болела... Жесточайшая резня русских и междоусобица в среднеазиатских республиках, масштабная война между почти всеми этносами вспылчивого Кавказа, беспочвенное братоубийство в Приднестровье — холодная осень 1992-го оказалась крайне горячей. Гиперинфляция, конституционный кризис, дефицит. Голод, бартер, шоковые реформы... И еще много-много непривычных, непонятных слов пронеслось по стране, сея всполохи страха. Все, что жило и дышало на огромном пространстве великой страны, вдруг поняло, что худшее еще впереди, и, перекрестившись, приготовилось ждать.

Посреди опустевшей поляны одиноко стоял высокий ясень... Лучи солнца поблескивали на пленке засохшей бесцветной крови зияющей раны его могучего тела. Никто не явился сегодня на поединок с ним, и казалось, что это дело может остаться таким же незавершенным, как и многое другое, начатое в том нелегком году.

Но это противостояние уже не могло не разрешиться. Все вокруг было надорванным и больным. Само мироздание, поняв, что натворило, готовилось безропотно начать выдачу своих бессмысленных жертв. Глубоко-глубоко, там, где нет места даже сознанию и мыслям, там, где безраздельно царствуют сны и невыраженная навь — началась совсем другая борьба.

К людям всегда во сне является самое яркое из пережитого накануне. И ясень не мог не прийти... Он явился пред Сашкой, простерев руки к небу и взывая к ответу. Но уже не требовал диалога... Мечь, священная и первобытная, бушевала над ним, упиваясь вседозволенностью. Все удары, нанесенные ясеню, теперь болезненно возвращались обратно. «Тук, тук, тук», — хлопало откуда-то изнутри. Могучее дерево властвовало в бескрайнем пространстве восприятия, то притягивая, то удаляя на тысячи километров и лет удивленное сознание ребенка. Высокие тугие ветви возносили Сашку над землей, а потом вдруг клали в глубь мокрой почвы, неотвратимо смыкающейся прямо поверх глаз и ноздрей. Сашка задышался и силился разодрать глаза...

«Тук, тук, тук...» — слышалось издалека. Длинные кривые руки покачивались над ним, будто прощаясь. Густым дождем с неба падали желтые щепки...

Мрак накрыл маленького человека. Время превратилось в тягучую болезненную явь, то растягиваясь, то сжимаясь, а боль, сплетаясь в тугий узел, взрывалась вдруг язвительным звонким смехом, заставляя дрожать и искривляться то, что могло себя осознавать в этот момент. С белого мутного неба который раз уже падал сухой тонкий лист, так и не коснувшись земли... Сашка понял, что он и есть этот лист.

«Лихорадит ребенка. Надо жар сбивать», — констатировал очевидное пожилой фельдшер, держа его горячее лицо своими ладонями. «Нет антибиотиков. В городе только», — добавил он. «Отвар надо сделать — кора ясеня и лист смородины, два к одному. Потом шиповник — отдельно. Ну, и таблетки, какие есть... Пробуйте».

В тот день было очень мало слов. Мама носилась вокруг с градусниками, тазиками, таблетками, но навряд ли Сашка ощущал из этого хоть

миг... Полчаса сидел на кухне, покручивая в пальцах сигарету, отец, а потом молча вышел.

Кора. Узловатая, глубокая, темная. Изрезанная реками трещин и вершинами наростов, увенчанных, будто снежными шапками, островками неубиваемой седой плесени... Это растрескавшееся лицо земли, покинутой жизнью. Пустыня, в которую медленно стала превращаться огромная, великая страна... Еще кочевали по ней все известные формы жизни, еще текла по иссохшим впадинам влага, но какая-то часть этого пространства уже была обречена... Смяв в сильных ладонях древесную плоть, батя медленно стал крошить кору в сосуд...

Бессознательно, наконец, поплыли голые ветвистые кроны... Серое-серое небо и молчаливые стражи деревьев, охраняющие скорее не его, а саму бесконечность... Шорох холодного воздуха, скрип колеса... Сашка понял, что он снова родился — это всего лишь коляска, и он катится сейчас в ней, упеленанный коконом, по осеннему тротуару. И где-то рядом мама и ее теплые руки. И стоит лишь потерпеть вновь, прожить жизнь — и все снова вернется к тому, где оборвалось... Ясень, кажется, не стал забирать его, и сейчас ветвями своих собратьев лишь бодро помахивал вслед... «Ступай, Сашка...»

«Тук, тук, тук» — далекий стук превратился вдруг в мягкое и уверенное биение собственного сердца. Стало тепло и спокойно. Чьим-то сильным нажатием разомкнулся его рот и влилась терпкая микстура. «Деревья, пап, я сам, пап... Деревья...» — шептал в бреду Сашка.

Они стояли на пустой поляне вдвоем. Отец и сын. Спокойный, обращенный вниз, взгляд отца говорил о том, что он доволен сделанной работой и не требует большего. Прошла неделя после того, как Сашка был здесь последний раз, и сегодня, когда немного окрепший ребенок встал пораньше, надел рабочее и побрел в огород, батя, поняв, куда тот направляется, решил пойти тоже. Более, чтоб оградить от лишней работы, а не наоборот. На поляне было чисто и светло, ровные горки порубленной растительности аккуратно были рассортированы. Жерди — отдельно, ветви и кустарник — отдельно, небольшие бревна — тоже. Обрубки молодых деревьев были подкопаны и надрублены... Советовать было явно нечего.

«Хочешь продолжать?» Сашка кивнул. Батя оглядел его с головы до ног, будто оценивая способность к дальнейшему подвигу... «Будь разумен. Иногда о рвении приходится сожалеть», — произнес он.

Ясень молча взирал на них со своей высоты. Могучие корни еще легко качали воду из недр, раздавая ее по всему телу. На голых ветвях покачивались небольшие гирлянды семенников, которые ясень еще рассчитывал пустить по ветру весной. Но сам он был уже обречен. Сашка серьезно потрудился последний раз. Не менее трети ствола было выбрано по толще, а в середине светло-желтого тела уже обнажилось коричневое древесное сердце.

«Лет сорок, наверное? Красивый, — погладив кору и глянув на уходящий ввысь ствол, произнес батя. — Даже жалко».

Батя был скуп на слова. Никогда ничего не говорил просто так. Следующие два дня у Сашки пошли слабо. Лишь только взял топор в руки, он вдруг осознал то, что смутно шевелилось в его душе. Он совершает непоправимое! Живое! Дерево — живое! Оно росло здесь много лет — красивое, мощное, полное сочной жизни, создавая вокруг себя благоприятную среду — и вот кто-то пришел его убить. Просто так, потому что посчитал это достойным поединком. Убить существо, старшее

тебя в четыре раза, по простой прихоти! Безмолвное и величественное в своей покорности! Сашке вдруг захотелось, чтоб дерево смогло дать сдачи, отхлестать его или, схватив узловатыми ветвями, бросить на землю. Но ясень молчал, и от этого совесть терзалась все сильнее. Почему нужно убивать? Зачем я родился? Есть ли во мне смысл? Почему нельзя все вернуть в прошлое? Одна ли жизнь у меня? А у него? А для чего, вообще, жизнь?

То ли сам Сашка, то ли молчавший до этого ясень — кто-то стал вдруг задавать вопросы... Тяжелые, как осеннее небо, неудобные, слишком колкие, чтоб их можно было безболезненно похоронить в душе... Они давили и, попадая в душу, распирали ее изнутри.

На всем пространстве — от места восхода Сашкиного солнца до места, где оно садилось — больше не было ни одного ответа ни на один вопрос... Люди и правительства выдавали самые неожиданные решения, ведомые страхом или сиюминутной выгодой, часто себе во вред. Бесплезно было искать в этом какой-либо смысл... Царил хаос, и большинство пыталось лишь не оказаться погребенными под рушащейся громадой великой страны. Когда-нибудь историки и философы найдут причинно-следственные связи, все обсунут и объяснят. Назовут это «политической целесообразностью», «исторической неизбежностью» и даже «естественным этапом развития». Но в этом году философы молчали. Потому что в происходящем не было ничего естественного и ничего целесообразного. Потому что вообще, как оказалось, человеческая деятельность представляет из себя просто череду хаотичных действий, ответных бессмысленному потоку случайностей. В 92-м не стоило ждать смысла ни от человека, ни от правительств. Нет никакой закономерности и предопределенности развития. А даже если бы и была, то масса человеческих нелепостей и страхов давно смела бы ее, втоптав в грунт. У мироздания не оказалось цели.

Произошедшие события не развернуть вспять. Невозможно извиниться и вернуть прошлое. Каждое действие безвозвратно. Непоправимо... Ясень больше не противился. Работа теперь шла чрезмерно легко. Еще пару дней Сашка без охоты делал лишь направляющий надруб, со стороны места будущего падения, да и то без конца отвлекался на корчевание нескольких оставшихся пеньков, и, наконец, поняв, что делать больше нечего, бросил топор и уселся на бревно. До самого заката он смотрел на свой ясень... Никто не хотел приближать конец. Сашкино сознание пыталось примириться с пережитыми за последние дни чувствами, или хотя бы их осознать. Или попытаться наладить мысленный диалог, задать вопросы... Но ясень молчал.

«Я заметил, с трудом работа пошла? — спросил вечером отец. — Стушишь вяло как-то. Давай завтра подойду, и мы вместе свалим...»

У Сашки все перевернулось в душе...

Обречен! Обречен ясень... Что делать? Сам же взялся! Зачем? Пусть бы рос... Жалко-то как... «Нет, пап, не надо. Я сам, пап».

Наступил новый день. Долго собираясь, растягивая время, Сашка понимал всю неизбежность происходящего. Глупо. Он сам придумал этот поединок и возвел его на такой высокий принципиальный уровень. Поставил себе зарубку на мозгу, что должен непременно победить это сильное дерево. Зачем? Может быть, бате этот ясень бы и не мешал... А сколько сам пережил уже с этим ясенем? Да и подружился даже, если честно... Теперь уж сам. Теперь нужно завершить начатое. Убить. Дерево. Друга.

Собеседника. И всю жизнь знать, что сделал. Сам. Убил. По прихоти. Большое, красивое. Убил. Вот тебе и зарубка.

День уже клонился за середину, когда Сашка пришел к ясеню... Что-то вдруг поднималось в душе, потом отпускало, хотелось что-то сказать или выразить, но вдруг не находилось слов... Апатия вдруг сменялась возбуждением, а бодрость каким-то тягучим утомлением. Сашка не знал, с чего начинать. Трудно начинать то, что является концом. «Прости меня», — вслух произнес Сашка и поднял топор...

* * *

Прошло года, наверное, три или четыре... Однажды, принимаясь, как обычно, по весне вскапывать огород, Саша не без удивления заметил, что на пограничном навале в конце участка стали прорастать молодые деревья. Подойдя, он увидел, как из трухлявого, развалившегося тела огромного бревна потянулись тугие, уже окрепшие, стволы. Из его дерева... Год за годом, лишённые корней и питаемая лишь влагой, какие-то части этого дерева пытались жить. Это было тяжелое время. Вся страна — поверженная, распавшаяся, сгнившая, стреляющая друг в друга в Чечне и подворотнях, еле подавала признаки жизни. Уже повзрослевший Сашка чуть улыбнулся, вспоминая всю важность и глупость своего первого противостояния, и вдруг почувствовал, как участилось дыхание и вопреки усилиям чуть увлажнились глаза... Странная бессловесная мысль вдруг объединила все, что было в его жизни, и все, что должно было произойти.

Годы потекли, как река... Разъехавшись по городам — Сашка, ты, я, да и вообще все, объединяемые словом «мы» — сваленные на обочину, брошенные, лишённые корней, но желающие жить — мы росли.

Страна распадалась на части, продавала себя первым встречным, иногда точно так же хаотично клеилась вновь, выкупая себя по дешевке и собираясь всем миром на поминки и войны. Мы оправдали, наверное, самые худшие ожидания из всех возможных. Не пытались надолго заглядывать в будущее, а к настоящему относились и вовсе небрежно... Старое поколение предпочло умереть, чтоб не видеть собственными глазами наступившую новую реальность, а собственные наши родители часто закрывали глаза на то, кем мы стали, наверняка чувствуя свою вину.

Иногда нас вытаскивали с наших помоек — к очередным выборам и войнам, но тут же старались забыть вновь. Кому-то, наверное, и было жалко, но будущего не было ни у кого.

Нас просто забыли. Похоронили. Оплакали и закопали.

Но никто не знал, что мы — семена.